

Цифровая трансформация парадипломатии: перспективы российских регионов

И. Р. Насыров

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Для цитирования: Насыров И. Р. Цифровая трансформация парадипломатии: перспективы российских регионов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 342–361. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.307>

В работе рассматриваются вопросы внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в практику международного сотрудничества субнациональных акторов и адаптации подходов к развитию парадипломатии на фоне глобальных процессов цифровизации. Это определяет необходимость адаптации обширного зарубежного и отечественного опыта цифровой дипломатии к специфике международных связей субнационального уровня и уточнения используемой терминологии. Основной акцент в исследовании сделан на парадипломатии регионов, поскольку на этом уровне формируется наибольшее число возможностей и вызовов, связываемых с трансграничными контактами субнациональных правительств. Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации развиваются на основе их полномочий в данной сфере и с учетом регионального разнообразия. Значимость международного сотрудничества для российских регионов обосновывается анализом статистических данных. Для достижения целей исследования были изучены публикации российских и иностранных авторов, нормативные правовые акты, государственные программы, материалы международных организаций, официальных сайтов федеральных и региональных органов власти, институтов развития внешнеэкономической деятельности. Анализ практики применения цифровых технологий субъектами федерации в целях продвижения экспорта, привлечения инвестиций, поддержания официальных и деловых контактов, работы с соотечественниками позволяет сделать вывод об эффективности взаимодействия регионов с федеральными органами власти и институтами развития. Это способствует вовлеченности в согласованную работу всех субъектов федерации, внедрению общих стандартов разработки информационных ресурсов и обмена данными, распространению лучших практик цифровизации. По результатам исследования выделены основные тренды внедрения информационных технологий в практику парадипломатии. Рассмотрены основные направления цифровой трансформации парадипломатии, определяющей эволюцию модели международных связей субнационального уровня. Проведенное исследование подтверждает, что масштабные процессы цифровизации основных направлений парадипломатии субъектов РФ и ее цифровой трансформации осуществляются в тесном взаимодействии российских регионов с федеральными органами власти в рамках национальных проектов и государственных программ.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, цифровая трансформация парадипломатии, цифровая диаспора соотечественников, международная деятельность субъектов федерации, взаимодействие федерального центра и регионов.

Введение

Международные и внешнеэкономические связи субнациональных регионов (далее — регионов) и муниципалитетов стали общепризнанным и широко распространенным явлением. Развиваясь, как правило, в русле внешней политики своего государства, они направлены не только на продвижение локальных интересов территорий и городов в открытом и взаимозависимом современном мире, но и успешно коррелируют с общенациональными приоритетами. Международные связи и участие российских регионов в реализации внешней политики государства в новых геополитических реалиях находятся в фокусе внимания МИД России [1].

В отношении осуществления международных связей субнациональными органами власти широко используется термин «парадипломатия». Введенный в научный оборот И. Духачеком [2] и П. Солдатосом [3], он отражает основные характеристики, присущие данному виду деятельности.

Политическое устройство государства и принципы разграничения полномочий между уровнями власти определяют формальные основания для международных контактов на субнациональном уровне, поэтому трансграничные связи изначально стали развиваться регионами децентрализованных государств. Процессы нарастающей международной интеграции способствовали формированию совокупности экономических, социально-гуманитарных, природно-техногенных факторов, которые объективно требуют участия в международной повестке органов власти регионов и крупных городов большинства государств. Масштабному вхождению регионов в мировые хозяйственные и культурно-гуманитарные связи во многом способствовали процессы глобализации на фоне благоприятной международной обстановки последних десятилетий XX в. Современные цифровые технологии способствовали становлению парадипломатии.

На первых этапах использования информационно-коммуникационных технологий в сфере международных связей они рассматривались как эффективные инструменты трансграничной коммуникации и построения сетевого взаимодействия, получения доступа к глобальным информационным ресурсам. Со временем проникновение цифровых инноваций в самые различные сферы политики, экономики, общества способствовало появлению новых международных акторов, современных форматов сотрудничества, эволюции ценностей и убеждений, что интерпретируется как цифровая трансформация [4, р. 53]. Повсеместно используемые цифровые технологии начали оказывать комплексное воздействие на сферу мировой политики, стимулируя развитие новых направлений и форматов работы, модификацию организационных структур и приоритетов деятельности международных акторов. В дополнение к иерархической модели мира, основанной на взаимодействии элит, появляется сетевая модель, требующая от дипломатов деятельного участия в электронной коммуникации [5, р. 4].

В России цифровая трансформация определена одной из национальных целей развития Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 [6].

Термин «цифровая дипломатия» вводится в научный дискурс и активно изучается зарубежными и российскими авторами [7–11]. Отечественные исследователи также обращают внимание на формирование новых вызовов вследствие цифровизации международных отношений [12, с. 176]. Проблематика цифровой

дипломатии естественным образом проецируется на парадипломатию, что нашло отражение в исследованиях авторов, специализирующихся на изучении международной деятельности субнациональных органов власти и неправительственных акторов [13; 14].

Необходимо отметить, что ряд составляющих цифровой дипломатии, ассоциируемых с важными направлениями внешней политики государства, предполагает лишь частичное участие акторов парадипломатии или выходит за ее рамки. Особенности и ограничения международных связей субнационального уровня требуют уточнения наиболее перспективных направлений внедрения цифровых инноваций. В дополнительном изучении нуждаются вопросы адаптации институтов поддержки внешних связей регионального и муниципального уровня к современным цифровым реалиям.

Цель настоящей работы — определение основных направлений и форм цифровой трансформации парадипломатии российских регионов, оценка роли федеральных органов власти и институтов развития внешнеэкономической деятельности в рассматриваемых процессах. Для реализации цели исследования рассматриваются приоритетные тренды цифровизации парадипломатии, понимаемой как внедрение современных информационно-коммуникационных технологий, направленное на повышение эффективности сотрудничества. Отдельно изучаются вопросы цифровой трансформации парадипломатии, затрагивающей модель организации работы субнациональных участников международных связей с учетом глобального характера цифровых инноваций. Основной акцент в исследовании сделан на парадипломатии регионов в составе государства, поскольку именно на этом уровне международных контактов формируется наибольшее число возможностей и вызовов, связываемых с трансграничными контактами субнациональных правительств.

Материалы и методы исследования

При адаптации российского и зарубежного опыта цифровой дипломатии к международным и внешнеэкономическим связям регионов использовалась обширная литература по проблематике парадипломатии, а также рассмотрены подходы к цифровизации различных направлений и форм международных связей, предлагаемые отечественными и зарубежными авторами. Практика работы российских регионов по применению информационно-коммуникационных технологий в сфере международных связей изучалась на основе документов государственного происхождения, материалов официальных сайтов органов власти, институтов развития и поддержки международного сотрудничества, документов общественно-политического характера — материалов СМИ, выступлений федеральных и региональных официальных лиц.

В целях обоснования значимости международной кооперации для социально-экономического развития субъектов Российской Федерации был проведен анализ статистических данных. Нормативные правовые акты, государственные программы, документы международных организаций, материалы федеральных институтов развития способствовали определению основных направлений и форм цифровизации парадипломатии.

Сравнительный анализ и метод классификации применялись для построения модели цифровой трансформации парадипломатии российских регионов, осуществляемой при координации со стороны федеральных органов власти.

Обзор литературы

Использование и интерпретация понятия «парадипломатия»

Изначально термин «парадипломатия» использовался применительно к вовлечению субнациональных органов власти (substate governments) или нецентральных правительств (non-central governments) в сферу международных отношений и мировой политики. Впервые использовавший этот термин в своей публикации И. Духачек впоследствии отметил, что формулировку «парадипломатия» предложил профессор П. Солдатос [15, р. 32]. При этом приставка *пара-* наиболее полно отражает комплексный характер международной деятельности регионов в составе децентрализованных государств как «альтернативной дипломатии», не только идущей параллельно, согласованно и в дополнение к межгосударственным дипломатическим отношениям, но порой выходящей за их рамки [16, с. 85].

Парадипломатия развивается также на уровне местных и городских властей, в первую очередь столиц и крупнейших городов (на зарубежном материале рассмотрен пример столицы Индонезии Джакарты [14, р. 104]; на российском — муниципалитетов Республики Татарстан, подписавших около двух десятков международных соглашений с коллегами из Турции и Китая [17, с. 17–18]). Одним из наиболее распространенных форматов международных контактов на уровне местных властей стали побратимские связи городов разных стран [18].

Отечественные авторы, во избежание расширительного толкования термина «парадипломатия» в отношении международных связей регионального уровня, уточняют его как «внешняя деятельность административных регионов» [16, с. 84] или «региональная дипломатия» [19, с. 100]. Это можно объяснить порой излишне свободным толкованием парадипломатии, включающим в это понятие международную деятельность региональных негосударственных структур, таких как образовательные организации или компании, ведущие бизнес за рубежом [13, с. 2024]. Некоторые зарубежные авторы изучают вклад неправительственных организаций (например, Конфедерации независимых футбольных ассоциаций — ConIFA) в развитие концепции парадипломатии [20]. На наш взгляд, более корректным было бы относить университеты, торгово-промышленные компании, неправительственные организации к более широкой категории акторов мировой политики.

Заметим, что зарубежный и отечественный опыт парадипломатии свидетельствует о важности согласованных действий субнациональных акторов с национальными интересами и одновременно сбалансированности внешней политики государства с учетом многообразия региональных интересов для обеспечения стабильности политического развития страны и достижения наибольшего эффекта от международной кооперации регионального уровня [16, с. 85; 21, с. 117; 22, р. 65]. Продуктивность совместной и скоординированной работы с федеральными органами власти проявляется и в процессах цифровой трансформации парадипломатии.

Цифровая дипломатия

Исследования проблематики цифровой дипломатии, в первую очередь с учетом использования инструментария социальных сетей, практически одновременно были начаты зарубежными и отечественными авторами [7; 8; 10]. Акцент на изучение возможностей новых цифровых каналов коммуникации для достижения дипломатических целей изначально позиционировал цифровую дипломатию как одно из направлений внедрения цифровых технологий в дипломатическую деятельность.

В настоящее время цифровые технологии прочно вошли в практику работы дипломатических институтов многих стран мира [5, р. 3; 12, с. 176].

Начало полномасштабного использования цифровых технологий в публичной дипломатии связывают с появлением в середине 1990-х годов браузеров для персональных компьютеров, обеспечивающих удобный доступ к цифровым ресурсам интернета [8, р. 2]. В научной литературе широко используется введенная Н. Куллом классификация публичной дипломатии 1.0 и 2.0 с привязкой к технологиям web 1.0 и web 2.0 [9; 10; 23]. Основное отличие указанных этапов заключается в том, что при использовании технологий web 1.0 информационный поток в публичном пространстве интернета был односторонним — от создателей официальных сайтов к пользователям. Для технологий web 2.0 характерен пользовательский контент (user-generated content) самых разных форматов: соцсети и мессенджеры, видеохостинги, вики-технологии, пользовательские комментарии к материалам сайтов, онлайн-опросы.

Развитие технологий блокчейн, искусственного интеллекта, децентрализованного хранения данных, периферийных вычислений привело к появлению нового поколения интернет-технологий web 3.0 [24, р. 108]. Они позволяют обладателям информации уходить от контроля со стороны веб-платформ, предоставляющих услуги хостинга контента [25, с. 59]. Одновременно повышается доверие к информации за счет возможности отслеживания ее аутентичности. Пока модель децентрализованного управления на базе технологий web 3.0 находится в процессе формирования, но уже сейчас высказываются мнения, что это потребует дальнейшего развития парадигмы дипломатической деятельности [26].

Ограничения в связи с пандемией COVID-19 способствовали массовому внедрению онлайн-коммуникаций в сфере дипломатии [27, с. 22] и парадипломатии [14, р. 114–115]. С последствиями пандемии COVID-19 также связывают появление нового метода дипломатического взаимодействия — гибридной дипломатии [28, р. 475].

В литературе принято разделять понятия цифровизации дипломатии, или цифровой дипломатии (в широком смысле), и цифровой трансформации дипломатии. Цифровизация характеризует новые цифровые направления работы в дипломатической повестке и вопросы внедрения компьютерных технологий в постоянную деятельность дипломатов. Цифровая трансформация проявляется в формировании новой среды дипломатической деятельности, определяемой необходимостью адаптации к последствиям цифровых инноваций [4, р. 55], датафикации международных отношений [12, с. 176] и развитием цифровой геополитики [29].

Цифровизация и цифровая трансформация парадипломатии

На первых этапах внедрения современных информационных технологий в деятельность субнациональных акторов изучались возможности использования глобальных информационных ресурсов в целях развития международного сотрудничества, информационной поддержки внешних связей регионов на базе технологий web 1.0, проблемы информационной безопасности. К числу политических последствий распространения цифровых технологий относятся ослабление иерархических структур управления и развитие сетевого принципа построения отношений с зарубежными партнерами различного статуса [30, с. 87].

В отечественной литературе понятие «цифровая парадипломатия» интерпретировалось как использование региональными государственными и негосударственными структурами интернета и совокупности современных информационных технологий для воздействия на зарубежную аудиторию с рассмотрением кейса внешних связей Свердловской области [13]. В зарубежной литературе использование интернета региональными органами власти Индонезии для обмена опытом, сотрудничества и обеспечения открытости своей деятельности в период пандемии COVID-19 представлено в работе Л. Луэрди [14], анализ коммуникаций официальных лиц испанской Каталонии посредством социальных сетей и сопоставление их содержательной направленности с целями парадипломатии и этнокультурного брендинга приведен М. Эрландсеном [31]. Таким образом, хотя парадипломатия признается важной составляющей мировой политики и широко исследуется, к настоящему времени вопросы системного внедрения цифровых технологий в международные связи субнационального уровня, а также адаптации самой концепции развития парадипломатии с учетом реалий цифрового мира не нашли комплексного отражения в литературе.

Парадипломатия российских регионов и цифровые технологии

Прежде всего, отметим значение международного сотрудничества для социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. По данным Росстата, в 2021 г. в число десяти субъектов федерации с наибольшими объемами валового регионального продукта (ВРП) вошли Москва, Санкт-Петербург, Московская область, ХМАО — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан, Краснодарский и Красноярский края, Свердловская и Самарская области. Совокупный ВРП этих наиболее экономически развитых субъектов РФ по итогам 2021 г. составил 65 439 млрд руб. [32], или 881,5 млрд долл. США в пересчете по средневзвешенному курсу доллара к рублю за соответствующий год. По данным Федеральной таможенной службы, суммарный объем экспорта этих же десяти субъектов РФ в 2021 г. составил 311,5 млрд долл. США [33], что сопоставимо с 35,3 % их суммарного ВРП. Статистический анализ иллюстрирует важность внешнеэкономических связей для региональных экономик. Также следует учитывать значение международных культурно-гуманитарных связей для многих субъектов федерации [34, с. 295–379].

Необходимость адаптации к эволюции международных отношений и мировой политики требует внедрения в парадипломатию передовых технологий. Среди

традиционных направлений цифровизации дипломатии [35] можно выделить наиболее важные для субнациональных акторов сферы внедрения цифровых технологий. К ним относятся содействие сотрудничеству и коммуникации, управление информацией и ее анализом, управление знаниями (сохранение, обмен и использование знаний, наработываемых в ходе международного сотрудничества), развитие ИТ-инфраструктуры с соответствующими сервисами, подготовка персонала и обеспечение кибербезопасности.

Доступ к глобальным ресурсам сети интернет стал одним из ключевых элементов в развитии информационно-аналитического обеспечения внешних связей субъектов Российской Федерации, до этого имевших ограниченную информацию о международных отношениях и мировых рынках.

С середины 1990-х годов начинается *развитие российского интернет-контента*, в создание которого активно включились российские регионы. В 1996 г. открывается сайт Правительства Москвы mos.ru, в 1997 г. — первый официальный сайт Республики Татарстан tatar.ru. Изначально нацеленный на продвижение информации о Татарстане в мире, он получает в 1998 г. англоязычную версию. Эти примеры свидетельствуют о том, что российские регионы включились в использование технологий web 1.0 в целях поддержки международного сотрудничества примерно в одно время с ведущими зарубежными акторами публичной дипломатии [8, р. 2; 23, с. 105]. Продвижение информации о регионе в интернете с участием органов власти стало рассматриваться как составная часть комплексной работы по формированию имиджа региона в мире [36].

С 2010-х годов многие субъекты федерации в дополнение к официальным сайтам органов власти создают специализированные информационные ресурсы по отдельным направлениям международного сотрудничества. Использование российскими регионами цифровых технологий в ключевых сферах внешнеэкономической деятельности — продвижении экспорта и привлечении инвестиций координируется и поддерживается на федеральном уровне.

В 2012 г. начал внедряться региональный инвестиционный стандарт Агентства стратегических инициатив, предусматривающий создание инвестиционных порталов всеми субъектами федерации. Действующий региональный инвестиционный стандарт утвержден приказом Минэкономразвития РФ [37]. В 2023 г. инвестиционные порталы 85 субъектов федерации участвовали в Национальной премии в сфере инвестиционного развития регионов «Лидеры инвестиционного развития». Для оценки проектов использовались десять показателей, отражающих содержательность и актуальность размещаемой информации, разнообразие сервисов обратной связи, удобство пользования порталом, качество перевода [38]. Лучшими были признаны шесть инвестиционных порталов — Калужской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Свердловской областей и Республики Башкортостан. Отдельными номинациями оценивались интерактивные инвесткарты регионов России в составе инвестиционных порталов и лучшие масштабируемые цифровые практики регионов [39].

В целях поддержки экспортной деятельности субъектов федерации АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ) разработало Региональный экспортный стандарт 2.0, который был утвержден проектным комитетом нацпроекта «Международная кооперация и экспорт» [40]. Во исполнение документа в субъектах федерации

были образованы региональные центры поддержки экспорта, входящие в систему РЭЦ. Они имеют собственные сайты, построенные с учетом рекомендаций экспортного стандарта и специфики предпринимательской деятельности в регионе. Общую линейку цифровых сервисов поддержки экспортеров представляет РЭЦ (www.exportcenter.ru/services/).

Четыре субъекта федерации из десяти с наибольшими объемами экспорта [41] дополнительно имеют собственные порталы внешнеэкономической деятельности и поддержки экспорта: Москва (www.moscow-export.com), Ростовская область (donexport.donland.ru), Свердловская область (made-in-ural.ru), Татарстан (madeintatarstan.ru). Кроме того, Москва, Ростовская и Свердловская области входят в пятерку субъектов федерации с наибольшими объемами несырьевого неэнергетического экспорта по субъектам малого и среднего предпринимательства [42]. Это подтверждает взаимосвязь всесторонней поддержки экспортеров с объемами зарубежных поставок.

Информационное пространство, ориентированное на содействие отечественным экспортерам, включает федеральные и региональные интернет-ресурсы, сайты российских коммерческих организаций, предлагающих свои услуги в сфере внешней торговли. Разнообразие цифровых ресурсов данной направленности связано с тем, что выход каждого из около 65 тыс. предприятий-экспортеров [42] на внешний рынок основывается на продвижении конкретной продукции для целевой зарубежной аудитории.

Взаимодействие российских регионов с федеральными институтами развития при внедрении цифровых технологий по ключевым направлениям внешнеэкономического сотрудничества обеспечивает вовлеченность в согласованную работу всех российских регионов, использование единых стандартов и распространение лучших практик. Координация на федеральном уровне деятельности специализированных организаций субъектов федерации по поддержке экспорта и работе с инвесторами содействует эффективности их работы.

В развитии коммуникации участников международного сотрудничества регионального уровня можно выделить три этапа с учетом основных используемых технологий. На *первом этапе* в 1990-х годах особую популярность набирала электронная почта, вытесняя использование факсимильной связи. Причем в первые годы представители органов власти нередко использовали общедоступные почтовые сервисы, что представляло потенциальную угрозу информационной безопасности. *Второй этап* характеризуется переходом региональных органов власти на системы электронного документооборота со второй половины 2000-х годов. Электронный документооборот принципиально ускорил прохождение и обработку служебной переписки между подключенными к нему федеральными и региональными органами власти, организациями различного статуса. Наряду с управлением информацией, электронный документооборот стал одним из инструментов создания баз знаний в процессе координации и поддержки международного сотрудничества. При этом сервисы электронного правительства для взаимодействия органов власти с населением и бизнесом в основном ориентировались на решение внутренних задач территориального развития [43, с. 8].

В настоящее время единая инфраструктура электронного правительства формируется в процессе реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2030 г. [44].

Внедрение составляющих электронного правительства в регионах стимулировало создание корпоративных почтовых сервисов, перевод официальной переписки на защищенные каналы передачи данных. Электронная почта продолжает обеспечивать коммуникацию с зарубежными партнерами и отечественными организациями, не интегрированными в межведомственный электронный документооборот.

Для *третьего этапа* использования современных технологий коммуникации органов власти с участниками международных связей — предпринимателями, соотечественниками, СМИ и другими категориями — характерно дополнительное использование соцсетей и мессенджеров, которое стало развиваться на уровне региональных органов власти в 2010-х годах [45; 46]. Вовлеченность органов власти регионов и их подведомственных структур в данные процессы обеспечивает принятие федерального закона, обязавшего с декабря 2022 г. публиковать информацию о своей деятельности в отечественных соцсетях [47].

Использование мессенджеров оказалось востребованным и в протоколно-организационной работе для совместной деятельности удаленных участников рабочих групп в ходе подготовки визитов и международных мероприятий.

С учетом специфики парадипломатии соотечественники составляют одну из наиболее массовых компонент целевой зарубежной аудитории для субъектов федерации. Применение современных технологий в работе с российской диаспорой вошло в число приоритетных задач движения российских соотечественников за рубежом на период до 2025 г. [48]. При изучении социальных сетей сообществ мигрантов, объединяемых средствами электронной коммуникации, рассматривается понятие «цифровая диаспора мигрантов» [49]. Проецируя его на этнические группы российских соотечественников за рубежом, представляющих народы, исторически проживающие на территории Российской Федерации, целесообразно использовать формулировку «*цифровые диаспоры соотечественников*».

В процессе сетевого взаимодействия участников международного сотрудничества регионов можно выделить несколько видов/уровней коммуникации:

- официальные контакты органов власти разного статуса;
- деловые и публичные контакты органов власти со специализированными сообществами по направлениям международных связей (предпринимательское, культурное, образовательное, молодежное, соотечественников и пр.) или с целевыми группами зарубежной и российской аудитории;
- рабочие контакты на уровне сотрудников органов власти и организаций-участников международного сотрудничества.

Современные тренды цифровизации парадипломатии

Понятие «цифровая парадипломатия» представляется целесообразным применять в духе расширительного толкования термина «цифровая дипломатия» [50, с. 32] — как взаимодействие субнациональных органов власти на основе цифровых технологий с участниками международных связей различного статуса.

В пределах полномочий субнациональных акторов парадипломатия охватывает самые разные виды международного сотрудничества: участие в реализации отдельных направлений внешней политики государства, официальные контакты между органами власти, внешнеэкономические и культурно-гуманитарные связи

с учетом специфики региональных интересов [34, с. 33–35, 216–217]. Это определяет направления внедрения цифровых технологий в сферу международных связей субнациональных органов власти. Обобщенно будем называть данный процесс *цифровизацией парадипломатии*. Как было отмечено выше, субъекты Российской Федерации уже имеют успешный опыт создания информационных ресурсов, цифровых сервисов для продвижения экспорта, привлечения инвестиций, коммуникации с участниками международного сотрудничества и работы с соотечественниками. В дополнение к этому можно выделить ряд перспективных составляющих цифровизации парадипломатии, востребованных для российских регионов.

1. Онлайн- и гибридный формат взаимодействия, включая не только международные мероприятия (форумы, конференции, круглые столы, презентации), но и регулярное проведение деловых совещаний по различным направлениям работы с географически удаленными подведомственными структурами и партнерами.

2. Электронные торговые площадки и электронная коммерция представляют отдельный вид деятельности, содействие которому предусмотрено общероссийским Региональным экспортным стандартом [40].

3. Внедрение информационно-коммуникационных технологий для повышения эффективности международного сотрудничества субнационального уровня в гуманитарной сфере: культуры [23, с. 107; 50, с. 32] образования [13, с. 2023–2024], здравоохранения [14, р. 113–119], туризма [51, с. 154], обмена опытом по развитию территорий и др.

4. Использование цифровых технологий при работе с соотечественниками: координация деятельности организаций соотечественников, онлайн-курсы по языку и этнокультурным традициям [5, р. 3], гибридный формат массовых мероприятий, развитие электронных СМИ и цифровых площадок коммуникации соотечественников за рубежом (например, на главной странице сайта Всемирного конгресса татар (tatar-congress.org) предлагается большая подборка ссылок на подобные информационные ресурсы).

5. Дистанционные форматы обучения и повышения квалификации региональных участников международных связей. Здесь также обеспечивается поддержка со стороны федеральных институтов. Например, можно отметить онлайн-курсы Дипломатической академии МИД России, включающие проблематику международных связей регионального уровня и цифровой дипломатии (www.dipacademy.ru/programmes/remotely/), образовательные модули Российского экспортного центра в формате базы знаний экспортера (www.exportcenter.ru/?sectionId=21).

6. Цифровые инструменты обратной связи и информационной открытости органов власти. Распространение принципов обратной связи, используемых в дипломатии [11, с. 55; 52, с. 281], на коммуникацию региональных органов власти с участниками международного сотрудничества можно осуществлять на основе опыта развития сервисов электронного правительства для взаимодействия государства, населения и бизнеса.

7. Технологии искусственного интеллекта и автоматизации анализа больших информационных массивов (big data), мониторинга и прогнозирования, машинного перевода и др. Если в дипломатии анализ big data для выявления политических пристрастий интернет-аудитории уже используется [27, с. 21], то для субъектов федерации это направление наиболее актуально в отношении вопросов внутренней

политики, мониторинга социально-экономической ситуации в регионе [53]. В парадипломатии к востребованным направлениям можно отнести сбор и обработку статистической информации для обеспечения управленческой деятельности.

8. Внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов власти обуславливает необходимость создания цифрового офиса. В Российской Федерации на федеральном уровне уже ведется работа по переходу на типовое автоматизированное рабочее место для госслужащих на базе отечественных разработок от компании VK [54]. Аналогичный набор сервисов предлагает платформа «Яндекс 360 для бизнеса» (360.yandex.ru/business/) еще одной крупнейшей российской ИТ-компания. Инфраструктура регионального электронного правительства также включает цифровые сервисы коммуникации, электронную почту, календари, облачные хранилища данных, мобильные приложения. Это приводит к формированию конкурентного пространства отечественных разработчиков офисных цифровых платформ и электронного правительства. Соответственно, возникает задача интеграции отечественных ИТ-продуктов по основным сервисам и форматам обмена данными.

Стремительное распространение новых технологий требует освоения государственными служащими и участниками международных связей новых компетенций. Это повышает интерес к программам повышения квалификации и профессионального дополнительного образования, а также требует обновления учебных программ подготовки специалистов-международников. Фактически таким образом запускаются процессы *цифровой трансформации парадипломатии*.

Вызовы цифрового мира и трансформация парадипломатии

Рассматривая глубинные последствия широкого распространения информационно-коммуникационных технологий, обратимся к докладу ООН «Эпоха цифровой взаимозависимости» [55], где отмечаются глобальный характер цифровизации, ее трансформирующее влияние на общественно-политическую и экономическую сферы жизни. Всемирный масштаб последствий цифровизации требует разработки общих целей и принципов взаимодействия в цифровой сфере в рамках специализированных международных структур, в частности правил электронной торговли и защиты потребителей, участвующих в ней, или регулирования вопросов извлечения прибыли от повторного использования информации и агрегации данных.

Субнациональным акторам мировой политики необходимо исходить из характеристик эволюционирующей цифровой среды для своевременной адаптации парадигмы своего развития. В частности, это связано с тем, что дигитализация не только создает новые возможности, но и усугубляет неравенство [55, р. 6].

К сопутствующим проблемам в эпоху широкого использования цифровых технологий можно добавить новые риски, увеличивающие нагрузку на органы власти и требующие осмысления: избыток информации, расширение и фрагментация внешней аудитории, дигитализация гуманитарной сферы и, конечно, комплекс проблем в сфере кибербезопасности.

Обострение международной обстановки воздействует на информационно-коммуникационную сферу. Развязанная на фоне украинского кризиса тотальная гибридная война против России охватила и информационное пространство.

Министр иностранных дел России С. В. Лавров подчеркнул, что «иногда цифровая дипломатия становится едва ли не единственным способом доведения до зарубежных аудиторий альтернативной точки зрения» [56]. Вовлеченность России в жесткое информационное противоборство не только отражается на условиях международной деятельности субъектов федерации, но и требует от них коррекции информационной политики в сфере международных связей с учетом общенациональных приоритетов в этой сфере [57].

К составляющим цифровой трансформация парадипломатии в условиях всеобщего распространения информационно-коммуникационных технологий можно отнести:

1. Участие регионов и местных властей в регулировании развития глобального цифрового пространства в формате участия в этих процессах своего государства или через соответствующие консультативные органы.

2. Эволюцию концепции развития регионов и городских агломераций, приоритетов государственного управления, исходя из задач своевременного внедрения инноваций и ответа на внешние цифровые вызовы. Это очевидным образом вписывается в формат комплексных стратегий цифровой трансформации субъектов РФ [58].

3. Адаптацию институциональной структуры органов власти/организаций, вовлеченных в международное сотрудничество, путем ее реорганизации, оптимизации функционала и моделей деятельности, создания новых подразделений, ориентированных на работу в цифровом пространстве. Сюда же можно отнести отмеченные выше примеры согласованной работы российских регионов с федеральным центром по различным направлениям цифровизации парадипломатии.

4. Участие субнациональных акторов в продвижении национальных интересов в глобальном информационном пространстве; борьбе с фальсификацией российской истории, распространением дезинформации, экстремистских идей неонацизма, ксенофобии, расовой дискриминации и связанных с ними нетерпимости; поддержке идей мультикультурализма, религиозной толерантности; развитии культурного и гуманитарного диалога с зарубежными партнерами; содействии формированию позитивного имиджа России в мире. Здесь можно отметить опыт участия регионов в российской культурной дипломатии, а также деятельность Группы стратегического видения «Россия — исламский мир» (russia-islworld.ru). Вопросы вовлечения субъектов федерации в реализацию отдельных направлений российской внешней политики координируются МИД России.

5. Выстраивание взаимодействия с новыми категориями партнеров — цифровыми сообществами, формирующимися на базе сетевого коммуникативного пространства, включая цифровую диаспору соотечественников, лицами, воздействующими на общественное мнение сетевой аудитории (опинион-мейкерами), и др. Одновременно следует учитывать фрагментацию цифровой аудитории по интересам и каналам коммуникации, размывание границ публичной сферы, расширение повестки диалога с зарубежными партнерами с учетом новых вызовов и реалий.

6. Модернизацию ИТ-инфраструктуры региональных органов власти в рамках национальных проектов и государственных программ, включая: расширение функционала систем коммуникации и хранения данных, развитие электронного правительства, создание специализированных информационных ресурсов и цифровых

сервисов по проблематике внешних связей, гармонизацию используемых данных и совершенствование технологий их обработки, организацию мониторинга внешнеэкономической деятельности и иных направлений международного сотрудничества.

7. Повышение квалификационных требований к сотрудникам, освоение ими новых компетенций и навыков, цифровых сервисов, информационных ресурсов, интеграцию в рабочие коллективы специалистов по информационным технологиям.

8. Участие субнациональных акторов в обеспечении кибербезопасности на базе отечественных разработок и технологий.

Таким образом, цифровая трансформация парадипломатии может трактоваться как процесс внедрения и использования цифровых технологий ее акторами в сочетании с адаптацией всей системы развития и поддержки международных связей субнационального уровня к условиям современной реальности при координирующей роли федеральных органов власти.

Выводы

Внешнеэкономические связи субъектов федерации стали важным фактором социально-экономического развития территорий, создания новых точек роста в процессе становления открытой экономики России. Международные связи субнационального уровня развиваются в рамках единой внешней политики РФ при осуществлении общего контроля и координации со стороны МИД России.

Широкомасштабное участие субнациональных органов власти в развитии трансграничных связей и кооперации совпало с глобальным распространением цифровых технологий, которые на современном этапе вошли в число базовых инструментов международных связей субъектов Российской Федерации.

В исследовании обосновывается возможность применения обобщенного термина «цифровая трансформация парадипломатии» в отношении внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в практику парадипломатии с одновременной эволюцией самой модели международных связей субнационального уровня. Дополнительно рассматривается возможность использования термина «цифровая диаспора соотечественников».

Цифровизация основных направлений парадипломатии субъектов РФ и процессы ее цифровой трансформации осуществляются в тесном взаимодействии российских регионов с федеральными органами власти и институтами развития в рамках национальных проектов и государственных программ. Эта успешная практика подтверждает тезис о значимости поддержки парадипломатии со стороны государства.

Развитие международного сотрудничества субъектов федерации во многом определяется уровнем подготовки кадров для работы в данной сфере. В ходе цифровой трансформации парадипломатии было бы уместно обновить образовательные программы подготовки и повышения квалификации специалистов-международников на базе федеральных и региональных высших учебных заведений.

Литература

1. Выступление Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на XXXIX заседании Совета глав субъектов РФ при МИД России (2022), 18 ноября. URL: <https://www.mid.ru/1839336/> (дата обращения: 03.02.2024).
2. Duchacek, I. D. (1984), The international dimension of subnational self-government, *Publius: The Journal of Federalism*, vol. 14, no. 4, pp. 5–31.
3. Soldatos, P. (1990), An explanatory framework for the study of federated states as foreign-policy actors, in: Michelmann, H. J. and Soldatos, P. (eds), *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*, Oxford: Clarendon Press, pp. 34–53.
4. Hinings, B., Gegenhuber, T. and Greenwood, R. (2018), Digital innovation and transformation: An institutional perspective, *Information and Organization*, vol. 28, no. 1, pp. 52–61.
5. Manor, I. (2018), The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology. Working Paper No 2, *Oxford Digital Diplomacy Research Group*. URL: <http://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.ox.ac.uk/files/DigDiploROxWP2.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).
6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565341150> (дата обращения: 03.02.2024).
7. Hallams, E. (2010), Digital Diplomacy: The internet, the battle for ideas and US foreign policy, *CEU Political Science Journal*, vol. 5, no. 4, pp. 538–574.
8. Cull, N. J. (2011), WikiLeaks, public diplomacy 2.0 and the state of digital public diplomacy, *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 7, pp. 1–8.
9. Harris, B. (2013), Diplomacy 2.0: The future of social media in nation branding, *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, vol. 4, no. 1, pp. 17–32. URL: <https://surface.syr.edu/exchange/vol4/iss1/3> (дата обращения: 03.02.2024).
10. Цветкова, Н. А. (2011), Программы Web 2.0. в публичной дипломатии США, США и Канада: экономика, политика, культура, № 3, с. 109–122.
11. Сурма, И. В. (2014), Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики, *Вестник МГИМО-Университета*, № 6, с. 53–60.
12. Цветкова, Н. А., Сытник, А. Н. и Гришанина, Т. А. (2022), Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 15, вып. 2, с. 174–196.
13. Холодов, В. А. и Рудаков, В. Р. (2019), Цифровая парадипломатия Российской Федерации: понятие и акторы на примере Свердловской области, *Вопросы политологии*, т. 9, № 9 (49), с. 2020–2026.
14. Luerdi, L. (2021), Paradiplomacy of Indonesian sub-state actor: Digital diplomacy of Jakarta government in response to COVID-19, *Berumpun International Journal of Social Politics and Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 104–126.
15. Duchacek, I. D. (1990), Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations, in: Michelmann, H. J. and Soldatos, P. (eds), *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*, Oxford: Clarendon Press, pp. 1–33. URL: <https://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/13079/1/120.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).
16. Еремина, Н. В. (2023), Международная деятельность Шотландии: взгляд шотландских националистов, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 16, вып. 1, с. 83–97.
17. Гиматинов, Р. Р., Насыров, И. Р. и Садыкова, Э. Л. (2019), Участие регионов в реализации внешней политики Российской Федерации, *Международная жизнь*, № 8, с. 12–25.
18. Саямов, Ю. Н. (2021), Дипломатия городов и связи городов-побратимов как часть народной дипломатии и элемент международных отношений, в: *Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: Междунар. науч.-практ. конф.*, Тюмень, 23–24 апреля 2021 г., с. 71–80.
19. Гребенкина, Е. В. (2017), Современная дипломатия на пути к сетевой структуре мира, *Международная жизнь*, № 4, с. 99–113.
20. Utomo, A. B. (2019), The Paradiplomatic role of the ConIFA in promoting self-determination of marginalised entities, *Global Strategis*, vol. 13, no. 1, pp. 25–36.
21. Туровский, Р. Ф. (2011), Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России), *ПОЛИС. Политические исследования*, № 2, с. 99–117.
22. Ksenicz, I. (2023), Polish paradiplomacy. current state and perspectives, *Przegląd Politologiczny (Political Science Review)*, no. 2, pp. 51–66.

23. Марчуков, А. Н. (2014), «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности, *Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, т. 19, № 4 (28), с. 104–113.
24. Pinjare, M. and Potdar, R. (2022), Research paper on web 3.0: The future of web, *International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology*, vol. 10, no. 4, pp. 107–109.
25. Ахметов, Р. Р. (2023), WEB3: возникающие тенденции и возможности в интернет-технологиях, *Актуальные исследования*, № 23, с. 56–61.
26. Vasiliu-Feltes, I. (2023), WEB 3.0-Centric Diplomacy: A Paradigm Shift in Global Diplomatic Engagement, *BBN Times*, June 6. URL: <https://www.bbnimes.com/politics/web-3-0-centric-diplomacy-a-paradigm-shift-in-global-diplomatic-engagement> (дата обращения: 03.02.2024).
27. Леонов, Е. С. (2021), Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях COVID-19, *Международная жизнь*, № 1, с. 20–27.
28. Bjola, C. and Manor, I. (2022), The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption, *International Affairs*, vol. 98, no. 2, pp. 471–491.
29. Huskaj, G. (2023), Digital Geopolitics: A review of the current state, *Proceedings of the 18th International Conference on Cyber Warfare and Security, Maryland, USA, 9–10 March 2023*, p. 152–161. URL: <https://doi.org/10.34190/iccws.18.1.955> (дата обращения: 03.02.2024).
30. Насыров, И. Р. (2007), Информационно-аналитическая работа в структуре международной деятельности регионов, *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*, т. 149, № 3, с. 85–99.
31. Erlandsen, M. (2018), Twitter as A Tool of Para-Diplomacy: An Exploratory Cohort Study Based on Catalonia (2013–2017), *Revista Chilena de Relaciones Internacionales*, vol. 2, no. 1, pp. 211–231.
32. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 2016–2021 гг. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (дата обращения: 03.02.2024).
33. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации (2022), Федеральная таможенная служба, 22 марта. URL: <https://customs.gov.ru/folder/527> (дата обращения: 03.02.2024).
34. Гафуров, И. Р. и Гиматдинов, Р. Р. (ред.) (2017), *Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан: коллективная монография*, Казань: Изд-во Казан. ун-та.
35. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan for Fiscal Years 2019–2022. URL: <https://www.state.gov/u-s-department-of-state-information-technology-strategic-plan-for-fiscal-years-2019-2022/> (дата обращения: 03.02.2024).
36. Туралина, Н. А., Колесникова, И. Г. и Туралин, В. Ю. (2016), Формирование и защита бренда территории на коммуникативных интернет-площадках, *Культурная жизнь Юга России*, № 3, с. 20–22.
37. О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»). Приказ Минэкономразвития РФ от 30 сентября 2021 года № 591. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625> (дата обращения: 03.02.2024).
38. Дан старт Национальной премии «Лидеры инвестиционного развития-2023». 2023. URL: <https://naair.ru/news/details/id/266> (дата обращения: 15.03.2024).
39. Объявлены победители Национальной премии «Лидеры инвестиционного развития-2023». 2023. URL: <https://naair.ru/news/details/id/272> (дата обращения: 15.03.2024).
40. Региональный экспортный стандарт 2.0. 2022. URL: https://www.exportcenter.ru/company/region_standard/ (дата обращения: 15.03.2024).
41. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации. Федеральная таможенная служба. 2021. URL: <https://limited.customs.gov.ru/folder/527> (дата обращения: 15.03.2024).
42. Итоги внешней торговли субъектов Российской Федерации (несырьевой неэнергетический экспорт). Федеральная таможенная служба. 2021. URL: <https://limited.customs.gov.ru/statistic/exp-rf-msp/vntorg-smp-nesyr-neenerget-export> (дата обращения: 15.03.2024).
43. Юртаев, А. Н. (2009), Создание «Электронного правительства» на региональном уровне как комплексная управленческая инновация, *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, № 3, с. 3–16.
44. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420397755> (дата обращения: 15.03.2024).
45. Twitter — 13 лет. Вспоминаем первые твиты Минниханова и других микроблогеров (2016), 13 января. URL: <https://inde.io/article/19135-twitter-13-let-vspominaem-pervye-tvity-minnihanova-i-drugih-mikrobloggerov> (дата обращения: 03.02.2024).

46. Mos.ru запустил аккаунты в соцсетях (2015), 16 ноября. URL: <https://www.mos.ru/news/item/3308073/> (дата обращения: 03.02.2024).
47. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351175807> (дата обращения: 03.02.2024).
48. Резолюция VII Всемирного конгресса российских соотечественников, проживающих за рубежом «Россия и соотечественники в меняющемся мире». Москва, 15–16 октября, 2021. URL: <https://vkrsr.com/upload/iblock/594/5940343f26687e6f4d305802b923b809.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).
49. Волков, Ю. Г. и Курбатов, В. И. (2020), Цифровая диаспора мигрантов: к вопросу о методологии исследования, *Гуманитарий Юга России*, т. 9, № 5, с. 36–50.
50. Зиновьева, Е. С. и Булва, В. И. (2021), Цифровая дипломатия в отношениях России со странами ЕС: кросс-культурные аспекты, *Концепт: философия, религия, культура*, т. 5, № 4, с. 30–40.
51. Макаров, П. Ю. и Чуб, А. А. (2022), Социально-экономические характеристики региона как основание успеха брендинга территорий, *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 3, с. 142–170.
52. Глебов, М. С. (2018), Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства, *Государственное управление. Электронный вестник*, вып. 68, июнь, с. 275–293. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/68_2018glebov.htm (дата обращения: 03.02.2024).
53. Центры управления регионом создали во всех субъектах России (2020), 2 декабря. URL: <https://tass.ru/politika/10148947> (дата обращения: 03.02.2024).
54. Региональных чиновников начали переводить на автоматизированное рабочее место госслужащего от VK (2023), 6 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/06/969701-regionalnih-chinovnikov-nachali-perevodit-na-avtomatizirovannoe-rabochee-mesto-vk> (дата обращения: 03.02.2024).
55. *The age of digital interdependence. Report of the UN Secretary-General's High-level Panel on Digital Cooperation* (2019), June 10. URL: <http://www.un.org/en/pdfs/DigitalCooperation-report-for%20web.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).
56. Выступление Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни»: Междунар. науч.-практ. конф. «Цифровые международные отношения 2022» (2022), Москва, 14 апреля. URL: http://mid.ru/foreign_policy/news/1809294/ (дата обращения: 03.02.2024).
57. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301132723> (дата обращения: 03.02.2024).
58. Стратегии цифровой трансформации. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2024. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения: 15.03.2024).

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.;
рекомендована к печати 15 мая 2024 г.

Контактная информация:

Насыров Ильдар Рустамбекович — д-р полит. наук; Ildar.Nasyrov@tatar.ru

Digital transformation of paradiplomacy: Prospects for Russian regions

I. R. Nasyrov

Kazan (Volga Region) Federal University,
18, ul. Kremlevskaya, Kazan, 420008, Russian Federation

For citation: Nasyrov I. R. Digital transformation of paradiplomacy: Prospects for Russian regions. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2024, vol. 17, issue 3, pp. 342–361. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.307> (In Russian)

Issues of implementation modern information and communication technologies into the practice of international cooperation of subnational actors and adjustment approaches to the development of paradiplomacy facing the global consequences of comprehensive digitalization has been studied in the article. This determines the need of adaptation the vast foreign and domestic experience of digital diplomacy to the specifics of international relations at the subnational level and refinement of the terminology used. The main emphasis in the study is on regional paradiplomacy, since at this level the largest number of opportunities and challenges associated with cross-border contacts of subnational governments are formed. International and foreign economic relations of subjects of the Russian Federation are based on of their powers in this area and the diversity of regional interests. The significance of international cooperation for the subjects of the Russian Federation is demonstrated by the analysis of statistical data. Articles by Russian and foreign authors, statutes and regulations, government programs, materials of international institutions, official websites of federal and regional authorities, institutions for the development of foreign economic activity have been studied to achieve the goals of the study. Analysis of the practice of using digital technologies by federal subjects to promote exports, attract investments, maintaining official and business contacts, support for compatriots allows for the conclusion about the effectiveness of interaction of regions with federal authorities and development institutions. This promotes the involvement of all federal subjects in coordinated work, standardization development of information assets and data exchange, and the dissemination of best digitalization practices. The conducted research contributed to identifying the basic trends of digitalization of paradiplomacy. The main directions of digital transformation of paradiplomacy are considered. The latter determines the evolution of the model of international relations at the subnational level. The study confirms that comprehensive processes of digitalization of the main directions of paradiplomacy of the subjects of the Russian Federation and its digital transformation are carried out in close cooperation of Russian regions with federal authorities within the framework of national projects and state programs.

Keywords: digitalization of public administration, digital transformation of paradiplomacy, digital diaspora of compatriots, international activity of federal subjects, interaction between the federal center and regions.

References

1. *Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov at the XXXIX meeting of the Council of Heads of Subjects of the Russian Federation under the Russian Ministry of Foreign Affairs* (2022), November 18. Available at: <https://www.mid.ru/1839336/> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
2. Duchacek, I. D. (1984), The international dimension of subnational self-government, *Publius: The Journal of Federalism*, vol. 14, no. 4, pp. 5–31.
3. Soldatos, P. (1990), An explanatory framework for the study of federated states as foreign-policy actors, in: Michelmann, H. J. and Soldatos, P. (eds), *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*, Oxford: Clarendon Press, pp. 34–53.
4. Hinings, B., Gegenhuber, T. and Greenwood, R. (2018), Digital innovation and transformation: An institutional perspective, *Information and Organization*, vol. 28, no. 1, pp. 52–61.
5. Manor, I. (2018), *The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology. Working Paper No 2*. Available at: <http://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 03.02.2024).
6. *On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/565341150> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
7. Hallams, E. (2010), Digital Diplomacy: The internet, the battle for ideas and US foreign policy, *CEU Political Science Journal*, vol. 5, no. 4, pp. 538–574.
8. Cull, N. J. (2011), WikiLeaks, public diplomacy 2.0 and the state of digital public diplomacy, *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 7, pp. 1–8.

9. Harris, B. (2013), Diplomacy 2.0: The future of social media in nation branding, *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, vol. 4, no. 1, pp. 17–32.
10. Tsvetkova, N. A. (2011), U.S. web public diplomacy, *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 3, pp. 109–122. (In Russian)
11. Surma, I. V. (2014), Digital Diplomacy in the Discourse of Global Policy, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6, pp. 53–60. (In Russian)
12. Tsvetkova, N. A., Sytnik, A. N. and Grishanina, T. A. (2022), Digital diplomacy and digital international relations: Challenges and new advantages, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, no. 2, pp. 174–196. (In Russian)
13. Kholodov, V. A. and Rudakov V. R. (2019), Digital paradiplomacy of the Russian Federation: The notion and actors on the example of the Sverdlov Oblast, *Voprosy politologii*, vol. 9, no. 9, pp. 2020–2026. (In Russian)
14. Luerdi, L. (2021), Paradiplomacy of Indonesian sub-state actor: Digital diplomacy of Jakarta government in response to COVID-19, *Berumpun International Journal of Social Politics and Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 104–126.
15. Duchacek, I. D. (1990), Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations, in: Michelmann, H. J., Soldatos, P. (eds), *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*, Oxford: Clarendon Press, pp. 1–33.
16. Eremina, N. V. (2023), International activities of Scotland: Scottish nationalists' positions, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 16, no. 1, pp. 83–97. (In Russian)
17. Gimatdinov, R. R., Nasyrov, I. R. and Sadykova, E. L. (2019), Participation of regions in the implementation of the foreign policy of the Russian Federation, *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 8, pp. 12–25. (In Russian)
18. Sayamov, Yu. N. (2021), Diplomacy of cities and relations between sister cities as part of public diplomacy and an element of international relations, in: *International scientific and practical conference "City twinning: status, development opportunities, challenges, priorities"*. Tyumen, April 23–24, 2021, pp. 71–80. (In Russian)
19. Grebenkina, E. V. (2017), Modern diplomacy on the way to a network structure of the world, *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 4, pp. 99–113. (In Russian)
20. Utomo, A. B. (2019), The Paradiplomatic role of the ConIFA in promoting self-determination of marginalised entities, *Global Strategis*, vol. 13, no. 1, pp. 25–36.
21. Turovsky, R. F. (2011), Subnational regions in global politics, *POLIS. Political Studies*, no. 2, pp. 99–117. (In Russian)
22. Ksenicz, I. (2023), Polish paradiplomacy. current state and perspectives, *Przegląd Politologiczny (Political Science Review)*, no. 2, pp. 51–66.
23. Marchukov, A. N. (2014), Public diplomacy 2.0 as a tool of foreign political activity, *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriia. Religiovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 19, no. 4, pp. 104–113. (In Russian)
24. Pinjare, M. and Potdar, R. (2022), Research paper on web 3.0: The future of web, *International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology*, vol. 10, no. 4, pp. 107–109.
25. Akhmetov, R. R. (2023), WEB3: Emerging trends and opportunities in internet technologies, *Aktualnye issledovaniia*, no. 23, pp. 56–61. (In Russian)
26. Vasiliu-Feltes, I. (2023), WEB 3.0-Centric Diplomacy: A Paradigm Shift in Global Diplomatic Engagement, *BBN Times*, June 6, 2023. Available at: <https://www.bbnimes.com/politics/web-3-0-centric-diplomacy-a-paradigm-shift-in-global-diplomatic-engagement> (accessed: 03.02.2024).
27. Leonov, E. S. (2021), New trends in the development of digital diplomacy in the context of COVID-19, *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 1, pp. 20–27. (In Russian)
28. Bjola, C. and Manor, I. (2022), The rise of hybrid diplomacy: From digital adaptation to digital adoption, *Mezhdunarodnaia zhizn'*, vol. 98, no. 2, pp. 471–491.
29. Huskaj, G. (2023), Digital Geopolitics: A review of the current state, *Proceedings of the 18th International Conference on Cyber Warfare and Security, Maryland, USA, 9–10 March 2023*, pp. 152–161. <https://doi.org/10.34190/iccws.18.1.955>
30. Nasyrov, I. R. (2007), Information-analytical activities in the international relations of regions, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, vol. 149, no. 3, pp. 85–99. (In Russian)
31. Erlandsen, M. (2018), Twitter as A Tool of Para-Diplomacy: An Exploratory Cohort Study Based on Catalonia (2013–2017), *Revista Chilena de Relaciones Internacionales*, vol. 2, no. 1, pp. 211–231.
32. Gross regional product by subjects of the Russian Federation in 2016–2021. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (accessed: 03.02.2024).

33. *Foreign trade of the subjects of the Russian Federation. Federal Customs Service* (2022), March 22. Available at: <https://customs.gov.ru/folder/527> (accessed: 03.02.2024).
34. Gafurov, I. R. and Gimatdinov, R. R. (eds) (2017), *International and foreign economic relations of Russian regions: the experience of the Republic of Tatarstan Kazan: Collective monograph*, Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ. (In Russian)
35. *U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan for Fiscal Years 2019–2022*. Available at: <https://www.state.gov/u-s-department-of-state-information-technology-strategic-plan-for-fiscal-years-2019–2022/> (accessed: 03.02.2024).
36. Turanina, N. A., Kolesnikova, I. G. and Turanin, V. Yu. (2016), Formation and protection of the territory brand on communication Internet platforms, *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii*, no. 3, pp. 20–22. (In Russian)
37. *On the support system for new investment projects in the subjects of the Russian Federation (Regional Investment Standard). Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated September 30, 2021 No. 591*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/608913625> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
38. *The National Award "Leaders of Investment Development 2023" has been launched. 2023*. Available at: <https://naair.ru/news/details/id/266> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)
39. *The winners of the National Award "Leaders of Investment Development 2023" have been announced. 2023*. Available at: <https://naair.ru/news/details/id/272> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)
40. *Regional Export Standard 2.0. 2022*. Available at: https://www.exportcenter.ru/company/region_standard/ (accessed: 15.03.2024). (In Russian)
41. *Foreign trade of the subjects of the Russian Federation. Federal Customs Service. 2021*. Available at: <https://limited.customs.gov.ru/folder/527> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)
42. *Results of foreign trade of the subjects of the Russian Federation (non-resource, non-energy exports). Federal Customs Service. 2021*. Available at: <https://limited.customs.gov.ru/statistic/exp-rf-msp/vntorg-smp-nesyr-neeenerget-export> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)
43. Yurtaev, A. N. (2009), Creation of "Electronic government" at the regional level as a comprehensive management innovation, *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, no. 3, pp. 3–16. (In Russian)
44. *On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420397755> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)
45. Twitter — 13 years old. Let us remember the first tweets of Minnikhanov and other microbloggers (2016), January 13. Available at: <https://inde.io/article/19135-twitter-13-let-vspominaem-pervye-tvity-minnikhanova-i-drugih-mikroblogerov> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
46. *Mos.ru launched accounts on social networks* (2015), November 16. Available at: <https://www.mos.ru/news/item/3308073/> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
47. *On amendments to the Federal Law "On ensuring access to information on the activities of state bodies and local governments." Federal Law of July 14, 2022 No. 270-FZ*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/351175807> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
48. *Resolution of the VII World Congress of Russian compatriots living abroad "Russia and compatriots in a changing world." Moscow, October 15–16, 2021*. Available at: <https://vkrs.com/upload/iblock/594/5940343f26687e6f4d305802b923b809.pdf> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
49. Volkov, Iu. G. and Kurbatov, V. I. (2020), Digital diaspora of migrants: On the question of research methodology, *Humanities of the South of Russia*, vol. 9, no. 5, pp. 36–50. (In Russian)
50. Zinoveva, E. S. and Bulva, V. I. (2021), Digital Diplomacy in Russian-European Relations: Cross-Cultural Aspects, *Concept: philosophy, religion, culture*, vol. 5, no. 5, pp. 30–40. (In Russian)
51. Makarov, P. Yu., Chub A. A. (2022), Regional socio-economic conditions as a basis of place branding success, *Public Administration Issues*, 3, pp. 142–170. (In Russian)
52. Glebov, M. S. (2018), Elements and Mechanisms of the New Public Diplomacy in State Foreign Policy, *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, iss. 68, pp. 275–293. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/68_2018glebov.htm (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
53. *Regional management centers have been created in all federal subjects of Russia. December 2, 2020*. Available at: <https://tass.ru/politika/10148947> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)
54. *Regional officials are starting to use the automated workplace of a civil servant from VK (company)* (2023), April 6. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/06/969701-regionalnih-chinovnikov-nachali-perevodit-na-avtomatizirovannoe-rabochee-mesto-vk> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)

55. *The age of digital interdependence. Report of the UN Secretary-General's High-level Panel on Digital Cooperation* (2019), June 10. Available at: <http://www.un.org/en/pdfs/DigitalCooperation-report-for%20web.pdf> (accessed: 03.02.2024).

56. *Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov at the plenary session "International relations in the context of digitalization of public life": International scientific and practical conference "Digital International Relations 2022". Moscow, April 14, 2022.* Available at: http://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1809294/ (accessed: 03.02.2024). (In Russian)

57. *On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229.* Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1301132723> (accessed: 03.02.2024). (In Russian)

58. *Digital transformation strategies. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation.* 2024. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)

Received: April 3, 2024

Accepted: May 15, 2024

Author's information:

Ildar R. Nasyrov — Dr. Sci. in Political Sciences; Ildar.Nasyrov@tatar.ru